

Д.В. Ермолович

**Гносеологический оптимизм, его рамки и наследие
Э.В. Ильенкова**

Публицистический пафос Э.В. Ильенкова в вопросе о содержании мышления и действительности познания во многих его работах 45-летней давности остается примером гуманистической позиции для современного философа. Этот пафос направлен не только против религиозного ханжества, ведущего к откровенному мракобесию; субъективного волюнтаризма и потому иррационализма; но и позитивистской перспективы, освобождающей человека от контроля над процессом и результатом познания.

Отношение Ильенкова к здравому смыслу религии, логике неопозитивизма и диалектике экзистенциализма выражено критически и вполне определено. Претензии на абсолютность и здравомыслия, и логики, и диалектики в этих случаях (или как Ильенков пишет – версиях) показывают не только узость и ограниченность их мышления, но и обнаруживают в целом пессимистический взгляд на возможности человеческого познания и существования. В свою очередь, материалистическая диалектика как теоретическое изображение мышления есть воплощение «универсального и всегда «открытого» в будущее процесса «очеловечивания» природы, ее «гуманизирования», и, наоборот, процесса «опредмечивания» человека в ходе создания им «неорганического тела» цивилизации, в виде всей массы технических средств достижения всеобщих человеческих целей» [2, с. 27].

Возможно, приходит время оживить подобную проблематику в связи с изменившимися условиями социального бытия современного человека, искать другие формы выражения, ставить новые акценты при оценке действительности и сущности гносеологического

оптимизма, отличать гносеологический оптимизм от оптимизма социального или психологического. Однако в информационном обществе, где человек обнаруживает свою неподготовленность к информационным перегрузкам, все сложнее отличать гносеологическое от социально-психологического, виртуальное от реального.

С другой стороны, потребительская модель хозяйствования, а вместе с ней и приспособительная (адаптивная) стратегия поведения в социуме, порождает мировоззренческий инфантилизм, т. е. мифологическая его форма (первая историческая форма мировоззрения) становится определяющей, тогда и появляется потребность в разного рода «костылях», поддерживающих жизнеспособность человеческого рода. Как следствие, мифотворчество нуждается в фиксации, обрамлении, рамочности – маскультурные («клиповые») формы регистрации культуры, и «книжности» (увекочивании) – религиозности. Для серьезной, содержательной философии места как такового нет. Постмодернистская же иллюзия – и основа современной мифологии, и способ выражения всякого пессимизма. В социальной плоскости обнаруживает себя внешнее управление – основа социальной иерархии, т. е. все выполняют – добровольно или нет – исполнительскую функцию, спектр властных механизмов управления очень широкий: от буржуазной (от имени «народа») демократии до неофашизма (в интересах «народа»), – власть должна быть сильной, сильнее обывателя, чего не сложно добиться, следуя принципу «разделяй и властвуй».

Перенос опыта социального бытия в социальное сознание (познание), вполне по-марксистски, происходит не только идеально (в идеальном, как продукте общественно-исторического и духовного производства – по Ильенкову [1, с. 219]), но и практически-утилитарно. Измененное социальное бытие порождает изменение социального сознания. Это можно проследить на примере генезиса позитивизма: первый – четвертый этапы которого «воинственно» критиковал в своей последней статье Ильенков [3].

Успехи и кризис науки XIX–XX вв. и то, как этим воспользовался позитивизм, «выворачивая» мысль с понимания сущностей, на поиск «чистоты языка, рядов, норм и идеалов» науки свелись к конструированию идеалистической, субъективной и конвенциональной логики науки, которая: «по Богданову (Берману, Маху,

Карнапу, Попперу), есть отображение субъективных «приемов», «способов», «правил», сознательно применяемых мышлением, не отдающим себе научного отчета о тех глубинных закономерностях, которые лежат в основе познания» [3, с. 57].

Выделим основные моменты генезиса позитивизма (одну из версий гносеологического оптимизма) и одновременно установим его рамки. *Первый* (классический) позитивизм вслед за Кантом, хотя и односторонне, критикует субъекта познания классической науки, полностью определяющего процесс познания и порождающего разного рода «спекуляции», и переходит к анализу средств познания, развивает методологию познания, осуществляет профессионализацию и дифференциацию науки. Это движение прервано кризисом науки (в 90-е годы XIX в.), эмпирическая стратегия Бэкона-Ньютона отвергается, объявляется *второй* этап позитивизма, осуществляется поиск надежных оснований познания – простейшая форма – ощущение, а вместе с ним возврат к субъекту (к Декарту-естествоиспытателю), работа с ощущениями, работа над совершенствованием ощущений субъекта. Этот этап спровоцирован недавно возникшей наукой психологией, но одновременно порождает психометрику, тестологию, проблему неполноценности.

Потрясения Первой Мировой войны, социальных революций, обнаруживших массовизацию сознания и последовавшим за этим вырождение политической активности социальной массы (что привело к фашизму – социализм любой ценой) не могли не сказаться на судьбах науки. *Третий* (новый) позитивизм – неопозитивизм – теряет недавно обнаруженного эмпириокритицизмом субъекта, неспособного верифицировать достижения эмпирического познания. Невозможность реализовывать познавательные функции субъекта связываются с несовершенством языка науки: язык оторван от конкретного субъекта познания и должен быть объективирован (при этом культура отождествляется с деятельностью «массовизированного» субъекта – суперсубъектом). Но язык, будучи создан субъектом для субъекта, объектом науки вообще, так и не становится. *Четвертый* этап – постпозитивизм (то, что после позитивизма), т. е. собственно отказ от позитивизма связывается с фальсификацией, что является не только аналитической процедурой, но и приданием поля возможностей познающему для

познания: не столько возврат к субъекту, сколько игнорирование объекта («гносеологический экстремизм» и зарождение инновационности) и как следствие, повсеместное оправдание феноменологии (ни субъекта, ни объекта). Оценивая современное состояние дел, можно полагать, что в стане позитивистов произошел раскол: значительная часть позитивистски настроенных мыслителей не замечает своего собственного вырождения, а вместе с ним и позитивистской версии оптимизма. Упомянутая выше ильенковская критика касается именно этих сторон и этапов позитивизма, а перенос гносеологических явлений в социально-психологические и обратно Ильенков, солидаризируясь с В.И. Лениным, относит к вопросу о партийности гносеологии [3, с. 49].

Несогласные с потерей своего «партийного» влияния позитивисты – а постиндустриальное (информационное, технократическое) общество требует от своих идеологов быть в авангарде масс (не важно, что социальная масса в обществе потребления уже аполитична) – продолжили свое гносео-идеологическое движение. Вырождение – тоже процесс, и в нем есть свои этапы.

Пятый этап уже имеет свое название – постпозитивизм – это дальнейшая субъективизация познания и переадресация ответственности. Научное сообщество обеспокоено пересмотром идеалов и норм ученого и науки (раньше эти вопросы сводились к проблемам истины, веры и разума, универсалий, свободы воли) в сторону внедрения норм социального контроля деятельности ученого и научных сообществ (известная всем Система менеджмента качества с внутренними и внешними аудитами и беспрецедентной бюрократизацией), разного рода гуманитарных (конечно, от имени и в интересах «народа») экспертиз. Процесс (процессный подход в анализе) научной деятельности воспринимается за ее результат, что интегрирует данную форму позитивизма с постмодернизмом, образуя фронт современной «философской» мысли. Часть позитивистски настроенных функционеров увлекаются этим процессом и вполне им удовлетворена.

Шестой этап, назовем его «протестным» позитивизмом (уже функционирует, но своего названия еще не имеет), связывается с желанием причастных к науке «деятелей» вырваться, то ли из под «гнета» социального контроля, то ли критических требований строгой

науки. Деятельность сочувствующих данной форме позитивизма сводится к конструированию факта и «доверия» к нему, что обогащает обыденное познание новыми софистическими приемами, а научные институты заполняются, часто по остаточному принципу, социально активными, но интеллектуально бездарными служащими. К этой группе, по-своему сочувствующих, смело можно отнести маниакально настроенных «ученых», нередко готовых работать в одиночку.

И, наконец, *седьмой* этап, по всей видимости, последний, ибо субъект познания как пользователь, потребитель знания (лучше информации) окончательно отрывается от его производства и в своей «наивности» позволяет полностью автоматизировать процесс познания (производства информации). Тем самым наивный субъект обеспечивает выход позитивизма из гносеологического поля в социально-психологическое и замыкает теперь уже «идеального» (нигде и никогда не существовавшего) субъекта на себе самом, что является классической формой психического сумасшествия. Дальше, собственно, двигаться некуда.

По Ильенкову [1] идеальное необходимым образом должно отчуждаться, и оптимизм – то чем мы здесь интересуемся, одна из «отчужденных» форм идеального, – существует только в деятельности, а не в ее результатах, т. е. это сама деятельная способность человека как сугубо диалектическое и историческое явление порождается из процесса предметно-практической деятельности общественного человека, специфической общественно-трудовой деятельности субъекта культуры. В связи с последним замечанием по поводу генезиса позитивизма оптимизм нельзя свести к идиотизму – явлению социально-психологическому, а не гносеологическому.

Обращая попутно внимание на гносеологические ориентации и их отличия, беремся утверждать, что оптимизм содержит в себе сомнение – как принцип познания, без сомнения, необходимого гносеологического принципа, оптимизм сворачивается до социально-психологического явления и в пределе не отличим от идиотизма. Скептицизм утверждает невозможность объективной истины, агностицизм – невозможность абсолютной истины, однако в отсутствии сомнения идиотизмом становится любое движение от оптимистической ориентации. Парадокс. Кант обнаруживает этот парадокс и находит гносеологический выход (трансцендентальная

логика – диалектика), а в социальной и психологической сферах им утверждается необходимость морали как регулятивного и императивного принципа жизнедеятельности.

В заявленном контексте (строго сохраняя позицию Э.В. Ильенкова) идеализация стратегии гносеологического оптимизма открывает философский план проблемы оптимизма как такового, исчерпывающейся решением вопроса об общей, общественно-исторической природе оптимизма, о его роли и функции в процессе реального, материально-практического преобразования природы общественным человеком и об условиях, внутри которых вообще возможно и наличествует оптимизм, как активная форма деятельности общественно-определенного индивида [1, с. 227].

Литература

1. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
2. Ильенков Э.В. К вопросу о природе мышления (на материалах анализа немецкой классической диалектики): Автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 1968.
3. Ильенков Э.В. Материализм воинствующий – значит диалектический. К 70-летию выхода в свет книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» // Коммунист. 1979. № 6.